

***

Первый луч солнца
превращается в ласточку,
вырывая сердце
из клетки ночи.
Я слышу далёкий ветер,
касающийся
твоих волос.
Я чувствую боль
умирающих звёзд,
принесённых
в жертву рассвету.
Я учусь у песка
беспамятству.

***

Давай замрём
в пространстве
пустого города,
будто ряска
вечерних огней
на стекле
спящей витрины.
Будем смотреть
на скользкие тени
в тёмной воде,
вдыхая рубиновый ветер,
ласкающий простыни неба,
словно нежный иней
сковал наши губы,
словно мягкий холод
застыл в наших пальцах.
Будем просто молчать,
как пена берёз
на волнах
июльского солнца.

***

I

Заметки июльских волн
на страницах безмолвия.
Утро, как сон
белого лебедя.
Стеклянное небо
с беглой царапиной жаворонка
отражает

блеск полусонных глаз.
Холст. Масло.

II

Ветер
гадает по книге стихов,
оставленной
на столе незнакомкой.
Догорает огонь
вечерних цветов.
Над медью воды
колышутся
одуванчики
солнечных бликов.
Васильковая даль
будет вечно хранить
следы мотылька.

III

Сквозь дым берёз
скользит седая гладь
рассвета.
Играет хвойный ветерок
В табачной мгле.
Зелёный плач воды
накроет тёплым пледом
уставший слух
и пилигрим уснёт в траве.

IV

Июль
набрасывает
полутона зари.
Мерцание птиц,
как искры
над спящим костром.
Поговорим,
касаясь взглядом
паутины воды.
Пусть разговор ни о чём
хранит глубину
недосказанности,
пока раздувает
пламя звёзды
холодный ночной ветер.

V

Дождь подбирает аккорды.

Тяжёлое небо
тянет на дно.
Впусти в своё сердце холод,
рождённый в металле волн.
Найди свою дикую тень
под чёрным сукном
леса,
там,
где рождаются
и умирают
последние песни.

VI

В тумане августа
тает случайный кадр.
Лёгкая дрожь листвы
над плёнкой воды,
словно ожившие строки молитвы.
Я подбираю слова,
упираясь
в прибрежный мотив,
оставивший в дар
чёрно-белую тишину
старого фотоснимка.

***

Под осенним покрывалом
бьётся сердце ночи.
Сентября постель примяла
пламенная роща.
Льётся глаз твоих прохлада,
как протяжный дождь
в сонном плене листопада,
и взмахнув крылом устало,
шепчет ветер, превращаясь
в губ озябших дрожь.

***

Отголоски нот осенних
в винном пламени заката.
Льёт рубиновое зелье
в придыханье листопада
влажный вечер. Луж осколки
освещают мрак зари.
Словно хищный прищур волка
рыщут блеском фонари.
Сквозняков дворовых свора

ором ледяным кружит,
и в багровых листьях клёна
застывает кровь души.

***

Похитит ночь слова,
оставив лишь пробелы
в черновиках
нордического неба,
слог обратится в прах,
сквозняк рассеет знаки,
и твои влажные глаза,
горя огнём
бессмертным октября
напротив глаз моих,
в тот миг
мне скажут больше
чем вся мудрость
книг,
пылящихся
в осеннем полумраке.

***

Шуршит листва потоком строк,
как по страницам книги мёртвых.
Ночь обретает свой исток,
скользнёт ручей души к истоку.

И на стальной луны стекло
дыханием осенним ляжет -
где не был из живых никто,
там непременно будет каждый.

***

Сгорает в небе
ноября
осенний снег.

Мерцает жемчуг
умирающей звезды.

С равнины северного моря
ворон ночи
несёт на крыльях пепел
сквозняков.

Свеча погаснет,
пламя станет янтарём
рассвета,
словно призраком весны.

***

Потерялась
в узорах инея
линия жизни.
Спит в тумане
полночных зеркал
юный месяц.
Серебром облачилась
дыхания ветвь,
чуть задев
протяжённый мотив
зимней песни.
Первый снег
распускается
чистым лотосом.
Холод рек
проступил
голубым хрусталём,
отразив
безответной любви
предвкушенье,
что скрывает в груди
вдохновенный отшельник
без имени
и без голоса.

***

В жилах декабря
вода застыла,
как душа сапфира
в удушающем
молчании
шелков,
и река укрыла
белым илом
всё что было,
и что будет вновь.
Тягостным похмельем
на глазах - метель.
Падает по ветру
от рябины след.
На постели пепел
зимнего рассвета.

Я не жду...
Не ждут меня...
Меня здесь нет.

***

Зимние улицы тянутся
предновогодним воском.
Горечь табачного дыма
облаком в небе парит.
В белом покое спит,
словно младенец, берёзка,
падает снег на ветви,
как свет
на страницы книг.

На призрачной остановке
жду безымянный автобус.
За мотыльками окон
следует тусклый взгляд,
и исчезает бессрочно,
там, где отблеском звёздным
воздух согрет, где точно
не повернуть назад.

***

На шершавых языках обочин
тает сахарная вата декабря.
Масло облаков из кубка ночи
льётся в жертвенник закатного огня.

Это всё, что нужно на сегодня,
стон стихии, стрелок мерный ход,
чтобы стать покорным и свободным,
сну покорным и свободным от

самого себя, чтоб тяжесть скинув,
боль укрыть лавандовым плащом,
и смотреть, как расцветает иней
на окне с мерцающей свечой.

***

Цепями звёзд
гремит ночное небо.

В плену зимы -
озябшая душа.

И памяти
немая кинолента

прокручивает
кадры не спеша.

С растрёпанной подушки
старой ели,

мерцают,
словно дьявольский огонь,

свисают снега
ангельские перья,

и падают
в дороги белый сон.

***

Пустота ночной реки
отразит молчанья холод,
не написанной строки
красоту подхватят волны.

Обжигаяще чиста,
и бездонна, и порочна
пропасть белого листа
в горькой дымке многоточий.

***

Проводит кончиками пальцев
зимний ветер
по ожерелью
ледяных волос,
и наши тени
превращает в пепел
рождественская ночь.
Нам сбыться удалось.

***

Молчалива как ночь
и нежна как заря
дорогая моя,
что не встретилась мне,

что с бессонных страниц
не прочтёт этих строк,
не шагнёт на порог
в тишину моих рук,

что скользнёт, словно луч
над холодной землёй,
и в тёмьян упадёт
предраассветной росой.

***

В час по чайной ложке
капает время,
роняет неосторожно
мгновение за мгновением.
Вдох суеты,
глубокий выдох
бессменного
одинокчества.
Ради чего?
Ответы, видимо -
в пыльной книге
пророчеств.
Сегодня найдёшь,
значит, завтра расскаешься,
завтра - ответ другой,
ведь истина - это то,
что рождается
и умирает с тобой,
что ищет на ощупь
в полночи летней
лунного света
лезвие,
как крылатый цветок,
играющий с ветром
в тёмном проёме
подъезда.

***

Нежно-нежно
рассею усталость,
соберу
твои тёплые слёзы,
как осколки зари,
что мерцает
в паутине туманного
оста.

Нежно-нежно
возьму твою руку,
так касается утро
лучами
побережья морского,
и солнцем
тишину твоих губ
увенчаю.

***

И снова падаю в весну,
в многоголосье вод бессонных,
в прохладу сквозняков зелёных,
ползущих грязью по холсту
едва проснувшейся земли,
где сквозь ветвистые знамёна,
горя румянцем, как влюблённый,
трубит медь солнца гимн любви.

***

Эта светлая ночь,
как чёрная даль
твоих глаз,
взгляд
что восходит луной безмолвия
и превращается в штрих дождя
на триптихе марта.

Эта светлая ночь,
как дорога в один конец,
где память заката
хранит
мой потерянный след
под сердцем
цветущего сада.

***

Играет утро пыльным светом,
проснись душа, гори в груди
как солнце, плюнувшее в лето
вишнёвой косточкой зари.

Мы будем петь в простор пустыни,
срываясь на орлиный крик,
под небом ядовито-синим,
где жизнь – один предсмертный миг.

***

В красноречивой пустоте
нет больше новостей,
лишь отголоски диких песен
разносит ветер,
как стервятник прах,
и шум ветвей
весенних тополей
стоит в ушах
задумчивым мотивом,
и видно всё,
ибо тебя не видно,
и мысли всех мастей
сливаются в единый
ручей, впадающий
молитвой в реку неба,
не знающий влечений
и страстей.

***

Твой полуденный блеск –
драгоценные камни дождя
в ожерелье полей.

Я приду,
когда смолкнет последняя нота
дрожащей свечи.

Чёрный свет твоих глаз
принесёт с собой
жаркую степь.

Сквозь лиловый туман,
сквозь мерцанье
попутных огней

я приду,
когда солнце заката
тебе прокричит:

“Собирайся скорей,
чтобы жить -
мы должны умереть”.

***

Я себя отпущу
в бездорожье
лунного света.
Ночь похлопает
по плечу,
словно пьяный приятель.
Мясом звёзд
обрастут скелеты
мёртвых аллей,
и костёр горизонта
раздует во взгляде
ветер разлуки,
как мазки фонарей,
что раскрасили ливень
весеннего сада,
проложили тропу
в неизвестность
апрельского утра.
Я себе дам уйти
сквозь наброски
влаги и глины,
чтобы вспомнить то место,
куда возвращается
сердце.

***

Как россыпь тенистых сосен
скрывает песни лесные,
так в сердце моей весны
твой голос шепчет сквозь слёзы,

о том, что надежда близко,
о том, что молитва бессмертна,
что пламя, рождённое искрой,
впитало нездешний ветер.

***

Остывает кофе
в чашке.
В окнах
вечер горит яшмой.
Одинокая дорога
тянет в бездну
взгляд погасший.
В этой бездне –
дым табачный,
спящий облаком
заката;

в этой бездне —
рук дрожащих
ветерок
ласкает локон
тонкой ивы;
здесь незримо
рвётся мысли нить,
как волос,
и как плен тенистый сада
подступает покаянье;
здесь кончается мой голос,
оставляя
лишь дыханье,
оставляя
лишь надежду,
поцелуй прощальный
солнца.

***

Лотос белых ночей,
где цветущей вишни
туман
одевает влюблённых,
где ива роняет
слёзы ветвей
в холодную воду,
пусть будет тебе
путеводной звездой.

И сотни свечей,
что мерцают
в храме весны
подснежниками
надежды,
ради одной
предзакатной улыбки,
пусть освещают
тебе
дорогу в мой дом.

***

Ты молча встала у окна,
и тень смиренная оделась
в дурман фруктовое вина,
в осенних листьях влажный шелест.

Ты посмотрела в темноту,
сквозняк скользнул дыханьем мая,

лаская сердца наготу
и глаз прохладу обжигая.

***

В театре весны
солнечный окрик
жаворонка
поднимает
на утреннем небе
занавес.
Первая ласточка
пробуждения,
как лёгкий росчерк
сирени
на белом листе сердца.
Призрак
падающей звезды
оставляет
сиюминутный автограф
своим поклонникам
в распахнутых окнах.
Здесь,
где шёпот страниц
потерянной пьесы,
недописанных строчек
размытая колея,
в декорациях пыльного дня,
можно сыграть
какую угодно роль,
но всё же,
истинное вдохновение —
сыграть самого себя.

***

Ты проста и чиста как пламя
листопада в берёзовой роще,
как дыхание первого снега
ты наивна, нежна и печальна.
Под ресницами-мотыльками
спят фонарики южной ночи,
и волны золотая нега,
на руках тебя носит как чайку.

Посмотри на меня, Кристина,
улыбнись, чтобы звёзды проснулись,
я услышу своё сердце,
прошептав в тишине твоё имя,
я увижу его мудрость

в глубине изумрудно-синей
твоих глаз, где за солнечным блеском
оживают сказки и песни.

***

По стеклу растекается вечер
китайской тушью.
Быстротечная бесконечность
ласкает душу.
Прислушайся,
это так далеко и так близко,
что вовсе не докричаться,
а только шептать.
Ибо,
когда обнаружишь
своё место
в пространстве-времени,
воистину
невозможно
не ужаснуться,
тому что
отблеск пылинки,
упавшей
с крыла мотылька,
будет под стать
(или даже больше)
всей твоей жизни,
всех сокровенных
мыслей,
разбросанных,
как осенние листья,
в черновиках.

***

Вспыхнет ост, расплавив иней
на небесных парусах.
Летний лоск волос раскинув,
солнце в сонных облаках

нежится, как голубь в луже,
и касается двери
пламенем рассветной стужи,
снегом утренней зари.

Взгляд лежит на занавеске
горизонта, где сквозь пыль,
в тёплом янтаре небесном
мотылёк души застыл.

Голос тает птицей дикой
в вышине, над хором крыш,
где безмолвная молитва
и молитвенная тишь.

***

Драгоценные камни зари
рассыпал июнь.
Как гвоздика, румянцем горит
и стремится к огню
облаков мерный строй,
что приюта не ведают ближе,
чем дальний покой,
что взирают как ангелы с крыши
на дьявольский зной
летних улиц, летящих в дыму
и лежащих в пыли,
где рассыпал июнь
драгоценные камни зари.

***

Твои волосы пахнут ночью,
твоя кожа – нежность тумана,
и в глазах твоих – горный источник
застывает хрустальной прохладой.

Я вдыхаю ночную свежесть,
прикасаюсь к туману ладонью,
и смотрю, как рассвет безбрежный
освещает родник бездонный.

***

Горит пыльца
вечерних фонарей.
Не разглядеть лица□,
лишь тени у дверей
бессвязно кружат,
словно летний дождь
играет в лужах.
В дом стучится ночь
в такт сердцу позднему,
тревожащему грудь,
и не проснуться
в свете звёзд
и не уснуть.

***

Мгла горизонта стелется
под колыбельную норда.
Плачет июль, как младенец,
оставленный без присмотра.

Небо спускается вороном
в клетку души безутешной.
Ливень согреет холодом,
свет пустоты – надеждой.

***

Сети серебра, бессонных окон блеск,
влажный ветер расправляет крылья.
Как дитя в песочнице небес
луч луны играет в звёздной пыли.

Яблоня склонилась, как закат,
взгромоздивший тишь полей на плечи.
Снова вижу свой погасший взгляд
в зеркале дороги бесконечной.

У обочины июльской ночи
вновь наткнулся на свой остывший след.
Дождь клокочет, словно шепчут строчки
писем без надежды на ответ.

***

В дымке августа растворяется
мимолётная радость вечера.
Горизонта окурков плавится
в мутной пепельнице заречья.

И от песни горящей заката
остаётся лишь шёпота пепел,
что уносится ветром куда-то,
словно трав луговых детский лепет.

***

Зелёный прибой
разбивается
о скалы рассвета.
Остывает песок

летних звёзд
в пустыне бессонных ночей.
В изумрудной мелодии
ветра
дрожат
священные струны
ветвей.
Я засыпаю с мыслью,
что где-то
она
видит такие же сны,
и, что вскоре,
омыв своё сердце
блеском росы,
я наконец-то
проснусь вместе с ней.

***

Я нарисую
склянку неба
с букашками звёзд
в руках ребёнка.

Я нарисую
постель
из спящих цветов,
согретую
молодыми любовниками.

Я нарисую
долгое ожидание
мерцающей краской
горящих окон,

и закрашу
кричащую пустошь ночи
последним штрихом
безмолвия.

***

Позднее лето.
Солнце, разбрызгав янтарь,
нежно целует в лицо.
Плотью ветра
обрастают скелеты
аллей.
Я выхожу на крыльцо,
и в свинцовых глазах

просыпается даль
облаков,
безвозвратная тишина,
чей-то голос,
знакомый до боли,
дороги, вокзалы, мосты,
и чистое поле
души мудреца,
потерявшего всё,
чтобы снова себя обрести.

***

Плач рябины за окном.
Блеск свечи, как капля крови.
Небо шерстяным платком
укрывает плечи кровель.

Тише, тише, лишь одно
в этом мире остаётся –
солнца горькое вино,
что на сердце веста льётся.

Тише, тише, лишь огонь
шепчет пусть в глазах усталых,
что проник, как вестник, в дом
и растаял в кронах алых.

***

Распустилась луна
цветком золотым.

Я собрал тебе песни
осенних лугов
и принёс на порог
вместе с шумом листвы.

В небе плачет луна.
и дрожит как узор
паутины лесной
под дождём проливным.

Твоё сердце нашёл я
из сотни сердец
и навстречу плыву
сквозь ночную тоску,
словно чайка
в объятьях зелёной волны.

Приходи, приходи,
голос ветра зовёт
и касается губ
нежной сладостью роз.

***

Листва на ветру
пропитала печалью
сентябрь.
Солнце растаяло
в мягком дыхании
спящих цветов.
И холодный осенний дождь
пропел для меня
моё право
на одиночество,
словно сыграл фламенко
на струнах глубокой ночи,
словно наполнил мою пустоту
хрупкостью
хрусталя.

***

Ветвей чернильных вязь
выводит строки сентября
в записках парковых аллей.

И светят инеем ночного неба
осколки слёз твоих,
моя душа.

И листопада пыль на крыльях ветра
напоминает мне
как ненадёжна плоть.

И тает моя тень,
от холода дрожа,
в полутонах свинцовых вод.

***

В лучах приглушённого света
украсть своё сердце нежным
узором осеннего ветра,
прошившим ткань побережья.

В туманной задумчивой выси

найди свою точку опоры,
за тучей, что мехом лисьим
ласкает медвежьи горы.

***

Я не слышу тебя,
мой друг,
только спящее море в душе
хранит шёпот
полуденных волн,
ибо каждому
свой путь,
не плохой, не хороший,
но свой.

***

Посмотри,
как неба открытая рана
ранним утром
сочится на землю
кровью осени,
солнцем пьяным,
прижигающим кровли
золотом белым.

Послушай,
как хрипит ветер в кронах
ржавым свистом,
янтарным ядом,
и забудь себя
среди бледно-холодных
глаз людей,
мельтешащих рядом.

***

Помнишь чёрную магию ночи,
северное сияние осенних аллей,
где снежное пламя звёзд пророчит
отчаянный шаг на исходе дней
в пропасть нежности и беспамятства,
где находишь главное, всё потеряв,
где последние строчки в приступе ярости,
как взмах мотылька над холодом трав.

***

I

Туманная музыка
осенней луны
прозрачна для слуха сердца.

Змея реки
играет чешуйками
волн в песках октября.

В открытых глазах
полной луны
пустота обретает резкость,

где бабочка
падающего листка
есть продолженье тебя.

II

В распахнутом небе
птицы поют рассвет,
оттеняя души безмолвие.

Мягким дыханием
листопада
прошепчет твоя дорога,

ведущая на восток,
что горит
холодным пламенем осени,

снова и снова
возвращая к истокам
твой одинокий голос.

III

В кричащих лучах зари
вечер научит молитве,
рождённой молчаньем.

Небо опустит занавес,
мгла фонарей упадёт
в складки спящей травы.

Сквозь иней домашнего света
ты ищешь немного солнца
в глотке горячего чая,

чтобы найти себя там,

где нет ничего,
кроме твоей любви.

IV

В твоём венке, октябрь,
горит янтарь травы
и пламенеет золото цветов.

Близ твоего костра
река заката
уносит пепел опадающей листвы.

И нет светлее ничего для созерцанья,
чем мёртвый твой алтарь,
чем жертвенная кровь

последнего луча на горизонте,
что зажигает ночь,
свинцом звезды застыв.

V

Наслаждаясь
умирающим солнцем
оживает осенний цветок

сердца, что ноет в груди,
словно земля
в ожидании ливня.

Лепестки ледяных облаков
собирают заката росу,
и бодрящий дымок

сквозняка
превращает неожиданные слёзы
в смирения иней.

***

I

Дыхание
поздней осени
на стекле.

Её душа –
парящие голуби
облаков.

Всё, что я потерял,
снова вернётся
ко мне

в её молчаливых кронах,
в листопаде
пророческих слов.

II

Ко мне пришёл дождь
со своей
песней.

Он постучал в окно
как долгожданный
вестник.

Он постучал в дверь,
в дверь
моего сердца,

оставив на сердце печать,
печать
одинокого блеска.

III

Вдохновенное молчанье
в небе октября
повисло.

Плачет влажная
дорога
серебристой пустотой.

Из аллей окаменелых
высекает
искры листьев

ветер и уносит в пламя
горизонта
голос мой.

IV

Горят
осенние цветы
вечерним светом.

Взметнётся
вороном дождя

ночь октября.

Я отрекусь
от слов любимых,
чтоб только ветер

в ветвях венозных
служил речью
для меня.

V

Ожерелье птиц,
сидящих на проводах,
украшает двор.

Сквозняк
перебирает
ржавые струны качелей.

Сквозь небесный пейзаж,
привнесённый
собачей сворой

серых туч,
просвечивает
красота отреченья.

VI

Над осенней колыбелью
мать-заря
склонилась.

Слышен тонкий
скрип ветвей
под скрипку сквозняка.

Будто сердца
чуткий стук
о берег волны бились,

и качала
отблеск неба
на руках река.

***

Осеннее солнце,
как венок полыни,
брошенный в мутную воду.

Опавшие листья
покрылись хрустальным инеем,
словно сердце
блеском ночного холода.
Ядовитый туман облаков
отравляет лазурь.
Ветер севера
распускается
ледяной хризантемой.
И отблеск зари,
проникая под голую кожу садов,
разливается светом
молитвы
по венам замёрзшей вселенной.

***

В осенний сумрак
обмакнув перо,
выводит ветер
наготу ветвей,
словно иероглифы
на рисовой бумаге
затянутого неба ноября.
Холодный смог аллея
вбирает солнца пепел.
В фонарном свете
вьются мотыльки,
иль это снега седина
что мне напомнит
о прожитых годах
вдали
от самого себя,
от зова сердца,
что подчас безмолвно,
как музыка луны,
что бережно хранит
при каждом вдохе
пыли –
вино багряных клёнов
у реки,
пустынных улиц
дым,
дождливых струн свеченье,
вкус ночи
на губах,
и шёлк огня
свечи вечерней
на кончиках ресниц,
скользящих блеском
в тонкий иней

сна.

***

Это ангел небесный на лестнице
или просто играет сквозняк?
Это память, щемящая сердце,
или просто шуршащие листья?
Я вдыхаю вечерний пепел,
я курю натошак
ветер осени,
в красном вине заката
обретая
последнюю искру истины.

Эти звёзды – дорога домой
или просто дорожная пыль?
В этих окнах – огонь ожидания
или просто луна догорает?
Я вдыхаю сырость,
и, пока разливается Нил
долгой ночи,
внимаю
дворовой молитве
собачьего лая.

***

Луна бросает в небе якорь,
в аллеях тлеют фонари,
я ощущаю тяжесть мрака,
чтобы нащупать свет внутри.

Сквозняк как мотылёк танцует
в осеннем пламени свечи,
я вслушиваюсь в ночь глухую,
чтоб шёпот сердца различить.

Сползают тучи чёрным илом,
я взгляд укрою мглой небес,
чтобы в беспомощности дождливом
мне не забыть надежды блеск.

***

У меня нет другой дороги,
кроме той, что шаги твои помнит.
Я не знаю другой ласки,
кроме солнца твоих ладоней,

кроме кротких твоих рук.
У меня нет другого шанса,
кроме выучки ждать и любить,
ибо в каждом случайном звуке –
голос твой и твоя душа;
ибо горечь в сердце моём –
это тихие слёзы твои;
ибо воля моя, как туман,
что лежит по твоим берегам;
ибо жизнь моя – капля росы,
обагрённая твоей зарёй;
ибо ночь моя – цвет твоих глаз,
ибо боль моя – дальний их свет,
что был дан мне тобой, словно нить.

***

Снег закончился.
Впереди,
ещё тысяча лет тишины,
уместившихся
в пару минут.
Мы останемся здесь,
словно тени
берёзовой рощи
в одиночестве
декабря,
заметая следы
наших сердец.
И в преддверии ночи
ты научишь меня
простоте,
что скрывает
блеск твоих губ.

***

Между светом и тенью
пространств городских,
в серых красках зимы
проступают,
как лакмус –
сырость камня,
вкус ночи и холод металла.
В ускользающих искрах
молочного снега,
словно в строчках огня,
ты прочтёшь вдохновенно
молитву свою,
и согреешься тусклым

блеском
окна,
растворяя границы
бездонного
сердца,
представляя,
что смерть – это сон.

***

I

Метель,
что подражает хлопанию крыльев летучей мыши,
свет за окном,
что подобен прохладе подземных вод,
душа,
плывущая медленным облаком
над вереницей гор,
напомните мне,
кто я?
Песчинка в пустыне бездонного неба,
отблеск волны на чешуе океана,
одинокий рассвет и боль пробуждения.

II

Роза ночи в зимнем саду,
я собрал твои замёрзшие слёзы
в дрожащих ладонях,
я пленил свой голос
твоей тишиной.
Будь мне вестницей полной луны,
диким пламенем алтаря.
Я охрип от снега и льда,
от живительной боли твоих родников.
Я познал всё возможное,
чтобы усталость наполнила разум,
чтобы смирение стало последней любовью.
Я дышу через иней твоих занавесок
свинцовым воздухом сна и печали.
Я прикован к твоим дверям
сквозняком пустоты и растраты.

III

Плачет вьюга зимнего полдня
в окаменелом просторе сердца,
в дыме табачном воспоминаний,
в горькой настойке слов и пророчеств,
плачет младенцем новорождённым.

Плачет ветер январской ночи,
его слезами покрою глаза я,
его слезами наполню я чашу,
в его слезах найду я спасенье,
словно скиталец, в дом постучавший,
где никогда не гаснет огонь.

IV

Наслаждайся январским морозным светом,
вонзившим клыки фонарей
в чёрную плоть бессонницы,
словно последним шансом
что-то пропеть ледяными губами,
словно последней нотой вечернего солнца.
Дальше - лишь арктический ветер,
лишь бесконечная глубина
и отрешённость зимнего горизонта.
Иди же, иди по краю и не смотри вниз,
не оборачивайся, а лучше закрой глаза,
и увидишь собственный свет.

V

Ожерелье луны украшает долгую ночь.
Горящее море звёзд разбавляет твоё одиночество,
разделяет твою скорбь, вторит твоим словам,
словно бессмертная тень.
Каждый шаг оставляет здесь след навсегда,
каждый миг несовершенства бесценен,
каждая мысль делает мир другим.
Вслушивайся в безмолвие, покрывшее кроны зимы,
вбирай свечение снега,
ослепляющего пустоту горизонта,
знай, что нет ничего прекрасней,
чем засыпать под музыку
собственного сердца,
хранящего память о том, чего не было.

VI

На сером камне
неба января,
по рунам
обнажённых зимних веток
молитвой льётся
самый чистый снег,
благая весть
из родников забвенья.
Лишь наблюдай
как падают на землю
снежинок лепестки

с цветка седого облака
и свежим ароматом
дурманят сердце,
пыльное от сна,
напоминая,
что в конце пути
ты должен попрощаться
сам с собой,
и превратиться
в созерцания осколок,
что отражает
пустошь всех дорог.